

УДК 82.06

Ю. В. Шатин

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия*

shatin08@rambler.ru

КАТЕГОРИЯ БУДУЩЕГО В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ НАСТОЯЩЕГО

Констатируется смена временной оси современного политического дискурса в медиапространстве от оценки прошлого к предсказанию будущего. В связи с этим автор рассматривает две ипостаси современного политического мифа – «патриотического» и «либерального», а также языковых механизмов, используемых для манипуляции сознанием. Согласно исследованиям Н. Феаклоу, результатом медийного продукта оказывается само конструируемое событие, независимо от того, какую функцию оно имеет по отношению к реальной действительности. Вербальный факт отличается от факта – события, тем, что оценка события доминирует здесь над сообщением о самом событии. Методы и приемы дискурсе-анализа, примененные в статье, позволяют, на наш взгляд, дифференцировать событийную и вербальную составляющие в медиасообщении и вскрыть таким образом ангажированность того или иного автора. Анализируя материалы газет «Коммерсант», «Известия» и «Новой газеты» за август-сентябрь 2014 г., посвященные украинской ситуации, мы обнаружили попытку авторов уйти от освещения реальных событий к конструированию сценариев будущего развития. Эти сценарии во многом напоминают структуру политического мифа, как ее в свое время описал Э. Кассирер.

Ключевые слова: медиапространство, политический миф, дискурс, коннотация, манипуляция, медиасообщение, медийный продукт, дискурсе-анализ.

Когда начались эти события, то появился Бог.
Россия воюет за прошлое, не давая никаких
смыслов миру, а мы воюем за будущее.
В процессе войны будет создан смысл.

*Из интервью активиста Майдана //
Ю. Полухина. Тыловая сторона войны
(Новая газета. 2013. 24 сент. № 35)*

События будущего не могут выводиться из настоящего.
Вера в причинную связь есть предрассудок.

*Л. Витгинштейн
Логико-философский трактат*

Характеризуя эпистему европейской культуры XVI в., М. Фуко указал на то, что знание этой эпохи «должно было одновременно и равным образом принимать и магию, и эрудицию. Нам представляется, что познания XVI века слагались их неустойчи-

вой смеси рационального знания, их понятий, порожденных обрядами магии, и из всего культурного наследия, воздействие которого было приумножено вновь открытыми античными текстами» [1977. С. 78]. Роль эрудиции в такой эпистеме заключа-

Шатин Ю. В. Категория будущего в медиапространстве настоящего // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 6. С. 134–139.

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2015. Том 14, выпуск 6: Журналистика

© Ю. В. Шатин, 2015

лась в объяснении сути вещей авторитетными текстами прошлого, а задача магии в первую очередь связана с настоящим и его объяснением.

Порождение медиапространства в Европе XVII в. и в России XVIII в. было связано прежде всего с интересом к настоящему. Так появилась газета, т. е. самовоспроизводящийся дискурс для освещения событий, происходящих здесь и сейчас. Вместе с тем многие мыслители этой эпохи полагали, что стабильность настоящего и есть единственная норма, организующая мировой порядок. Слом такого представления привел не только к серии бунтов и революций, но (что важнее в контексте данной статьи) к искривлению медиапространства за счет наращивания в нем агональных технологий. Шестикратная смена заголовков в одной из газет, отразивших возвращение Наполеона в Париж с Корсики в 1815 г. – яркий, хотя и не единственный пример такого искривления.

Сегодня, во второе десятилетие XXI в., только очень наивный потребитель средств массовой информации может верить, что главная цель СМИ – сообщить нечто новое и истинное одновременно. Но если в истинности сообщений многие скептики справедливо сомневаются, то многим потребителям медиадискурса даже не приходит в голову, что в транслируемой информации действительно мало нового.

Как известно, любая коммуникация протекает между двумя полюсами – коммуникацией события и коммуникативным событием. Понятие коммуникации события было введено в 1897 г. немецким психолингвистом В. Сведелиусом, который подразумевал под ней наиболее короткие отрезки речи, предназначенные для сообщения о каком-то реальном, только что происходящем, чаще всего длящемся происшествии. В конце 1970-х гг. известный нидерландский коммунистолог Т. ван Дейк ввел в употребление термин *коммуникативное событие*, прямо противоположное коммуникации события. При коммуникативном событии центром сообщения является не факт, а способ использования языка для организации некоторого гипотетического события, которое может произойти в будущем.

В свое время английский исследователь Н. Феаклоу в книге «Медиадискурс» сформулировал положение, согласно которому

сводилась к предсказанию будущего. В такой системе не было медийности, которая результатом актуализации в СМИ оказывается само коммуникативное событие, независимо от того, какую функцию по отношению к реальности оно имеет и какими речевыми моделями пользуется. Развивая это положение, современный исследователь утверждает, что «структура вербального факта – это виртуальная реальность, неоднозначность которой усиливается тем, что она в отличие от структуры факта – события стремится не показать, а оценить себя. Иными словами, вербальный факт – это всего лишь потенциальный факт» [Сорокин, 2000. С. 94]. К сказанному Сорокиным необходимо добавить, что не только вербальные, но и визуальные, аудиальные и кинестетические сообщения, попадая в медийное поле, перестают быть только фактами, но становятся прежде всего орудиями воздействия.

Хотя данное положение можно распространить на абсолютное большинство медийных сообщений, ярче всего они проявляются в материалах, затрагивающих общественно-политическую сферу. В середине 1940-х гг. известный философ Э. Кассирер указал на технологический характер современных политических мифов. «Миф всегда определялся как результат бессознательной деятельности, как продукт свободного воображения. Но в нашем случае миф создается по плану. Новые политические мифы не возникают сами собой, будучи дикими плодами чьего-то буйного воображения. Они – артефакты, изготовленные искусными и хитрыми ремесленниками. На долю XX века, нашего технического столетия, выпало создать новую технологию мифотворчества. Теперь миф производится в том же смысле и с использованием тех же методов, что и производство любого другого оружия, будь то автоматы или аэропланы» [2011. С. 118].

Как известно, любой миф, говоря языком семиологии, снимает сосюровскую оппозицию синхрония – диахрония. Всякий миф панхроничен. События мифа – это события всегда, раньше, сейчас и в будущем. Однако внутренние интенции политического мифа, оказываясь в медиапространстве, подчиняются общему принципу искривления. Наряду с другими искривлениями здесь легко обнаружить искривление временной оси.

Будучи панхроничным, политический миф в медийных сообщениях обнаруживает тенденцию к смещению от настоящего либо к прошлому, либо к будущему, повторяя средневековую модель эрудиции и магии.

Если сравнить большинство медийных сообщений прошлого и нынешнего десятилетия, станет очевидным важное различие. Основные секторы политического медиапространства 10–15 лет назад отчетливо сдвигали временную ось в сторону прошлого. «Был ли культ личности Сталина?», «Был ли 1937 год?», «Была ли Катынская трагедия?». Независимо от интерпретации и оценки подобных тематизмов, именно они определяли повестку сообщений, будоража общественное мнение и обеспечивая высокий рейтинг медиапродукта. В последние 2–3 года наметился резкий переход от искривления в сторону прошлого к магическому предсказанию событий ближайшего будущего.

Можно с уверенностью констатировать, что по мере развития указанная тенденция только набирала силы и достигла к середине 2014 г. своего пика. Весьма знаковым явлением такого перелома можно считать тот факт, что большинство заголовков в современных газетах маркируют будущее. Вот лишь неполная выборка за три недели конца лета. «Себя прокормим» (Российская газета, 14 авг.). «Автохлам спасет автопром» (Коммерсант, 29 авг.). «Россия обойдется без импортных продуктов» (Комсомольская правда, 29 авг.). «Проблему дефицита сельских врачей решат беженцы с Украины» (Изв. 29 авг.). «На переселение беженцев выделяют полмиллиарда» (Изв., 2 сент.). «Беженцев лишат пособий при трехкратном отказе от работы» (Известия, 1 сентября). «Донбассу отправят второй гуманитарный конвой» (Изв., 1 сент.). «Евросоюз не собирается ослаблять санкции» (Новая газета, 20 авг.). «ОБЭП нечаянно нагрянет» (Новая газета, 27 авг.). «Украина не выдаст» (Новая газета, 3 сент.).

Даже без погружения в логику и аргументацию самих статей можно заметить две особенности: одна заключается в том, что все они связаны тремя смежными темами, обусловившими повестку дня: Украина – беженцы – санкции. Гораздо интереснее другая особенность, связанная с максимальной редукцией конкретной информации о текущих событиях, и замена ее различными

сценариями будущего развития ситуации. В свою очередь типология таких сценариев разделяется на аналитические и агональные, а агональные четко разделяются на воинственно оптимистические и апокалиптические. Рассмотрим указанные группы.

Такие серьезные газеты, как «Ведомости» или «Коммерсант», рассчитанные на достаточно просвещенную публику, сохраняют большую долю аргументированности, избегая эмоций и описывая будущее в терминах вероятности. К такого рода материалам можно отнести, например, интервью генсека Совета Европы Турбюрна Ягланда (Коммерсант, 5 сент.). Дипломат стремится соблюсти максимум корректности и нейтралитета, активно пользуясь конструкциями настоящего времени. Обращаясь к возможному будущему, он говорит лишь о вероятностях, а не об окончательном финале того или иного политического сценария. Касаясь, в частности, мирного плана Путина, он заявляет следующее: «Важно, чтобы эти меры действительно выполнялись. Пока же мы видим, что накал воинственной риторики не уменьшается. Проблема может быть в том, что стороны окажутся не готовы выполнять мирный план». Наиболее интересным в дискурсе этого интервью является не только желание дипломата сохранить сбалансированный подход, но и средства риторической защиты от стремления противоположных интерпретантов перетянуть канат его высказываний на свою сторону. Интервьюер: «Украинские СМИ опубликовали ваше заявление, сделанное в Киеве, согласно которому “Россия грубо нарушила фундаментальные принципы Совета Европы”. Это нарушение может привести к выходу РФ из организации?» Ответ: «Мои слова были искажены, Я в Киеве сказал то же, что говорю в Москве: Россия и Украина – члены Совета Европы и, согласно статусу этой организации, должны соблюдать Европейскую конвенцию по правам человека... Сейчас этого не происходит, и повинны обе стороны».

Естественно, Ягланд находится в узкой зоне дискурсивного пространства, ориентированного на аналитиков-профессионалов или самого образованного кластера потребителей медиапродукта. Массовое сознание, ориентированное на тот или иной вид политического мифа, не сможет включить его логику и аргументацию в поле своего мышления, настойчиво вызывающего к однознач-

ной оценке. Как заметил Р. Барт, «миф не есть ложь, не искреннее признание, он есть искажение», тогда как «разоблачение, совершаемое мифологом, является политическим актом; утверждая идею ответственности языка, он тем самым постулирует его свободу» [1989. С. 95, 127]. В этой связи будет интересным последовать за Бартом и выяснить, каким же искажениям подвергается язык при трансляции двух противоположных типов агональных сообщений, каждое из которых, в сущности, является политическим мифом.

Презентацию двух разновидностей политического мифа, условно определяемых как «патриотический» и «либеральный», рассмотрим на примере двух общероссийских газет – «Известий» и «Новой газеты». Наиболее ярким примером, отражающим позицию «Известий», может служить статья Александра Проханова «И расточатся врази Его» (3 сент.).

Экспозиция статьи на первый взгляд далека от украинской тематики. В начале материала рассказывается о «священном» холме около маленького городка Изборска в Псковской области и чудесах, там происходящих: аисте, севшем на холм «в момент, когда холм освящался владыкой Евсеем», о создании клуба, где «русские патриоты-интеллектуалы сошлись воедино, чтобы заслонить государство российское от наветов врага, от посягательств на русскую историю, на русское время, на русскую культуру».

Основным риторическим приемом статьи Проханова оказывается градация: по мере движения от одного абзаца к другому коннотационный фон изложения усиливается, а сами чудеса получают все более материальное выражение. «И еще одно чудо: имя “Изборск” получил стратегический ракетоносец, совершающий полеты из-под Саратова к Северному полюсу... И натовские самолеты, вылетающие навстречу этому могучему ракетоносцу, с изумлением разглядывают эмблему изборского клуба на серебряном фюзеляже грохочущей машины».

Подобно манипуляциям фокусника, по мере приближения чудеса приобретают уже очевидный политический характер: «И новое чудо: после этого землеприношения началось наступление ополченцев, которые ринулись навстречу карателям и стали отвоевывать один за другим города и селения.

Вышли к Азовскому морю и теперь ведут натиск по всему фронту, заключая растерянных украинских солдат в глухие котлы. И Священный холм под Изборском благословляет это яростное наступление... Старцы, бесчисленные русские герои, святители и духовидцы, вся Святая Русь и церковь воинствующая несутся впереди ополченцев, усиливая их натиск, приближая их к неизбежной победе».

Мы бы сделали большую ошибку, если бы обвинили автора статьи в отсутствии логики. Такая логика присутствует и полностью соответствует тезису Витгинштейна: «Есть, конечно, нечто невыразимое. Оно показывает себя, это – мистическое». Под нарративными покровами статьи «И расточатся врази Его» отчетливо просматривается перформатив – вера безусловного превращения магического заклинания словом в действие. «Люди добрые, приезжайте во Псков. Посетите Изборск, поклонитесь Священному холму. И там, у подножия этой русской Голгофы, где дышат русские времена и бескрайние русские просторы, вам яснее откроется смысл песнопения: “Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его”, – заканчивает статью Александр Проханов, прозрачно намекая, куда добрые люди должны отправиться после таких магических заклинаний.

Другую ипостась политического мифа предлагает «Новая газета». Парадоксальным образом этому печатному органу удастся одновременно и деконструировать политический миф, и транслировать его либеральную ипостась. Так, в номере за 17 сентября опубликовано интервью с известным лингвистом Максимом Кронгаузом «Обозначить врага словом, которое не приемлемо ни для кого». В этом интервью автор вскрывает механизм пропаганды, основанной на словесной манипуляции. Будучи объективным исследователем, Кронгауз характеризует обоюдоострый характер такого манипулирования противоположными сторонами. «Пропаганда идет с двух сторон, сторон больше, но на русском языке – с двух. Я не хочу говорить, правда это или вранье. Существенно то, что используется такая лексика, которая применяется для пропаганды, а не для описания событий. И именно поэтому сегодня трудно доверять любой информации. В любом тексте об этих событиях используется оценочная лексика – это и

есть один из главных признаков пропаганды. Цель пропагандистского текста в том, чтобы убедить читателя, что одни хорошие, а другие плохие, и одни побеждают, а другие проигрывают».

Далее М. Кронгауз анализирует коннотативные механизмы, с помощью которых достигается манипуляция массовым сознанием. «Например, в том, как называются участники боевых действий с двух сторон. Есть нейтральные определения: “силы украинской армии” и “ополченцы”. В слове “повстанцы” уже появляется легкий знак минуса, который может усиливаться различными способами, но максимальный минус – это, конечно, “террористы”. Соответственно, от “сил регулярной армии” мы тоже переходим к “бандеровцам”, “фашистам” и так далее. Эта линейка, когда от нейтрального самоназвания переходят к максимально негативной номинации, – типичный способ языкового манипулирования».

Словно специальной иллюстрацией теоретических построений Кронгауза может служить опубликованная в этом же номере статья Бориса Вишневецкого «Почему Донбасс не Чечня». Формально обращенная к событиям двадцатилетней давности, статья всем своим пафосом ориентирована в будущее. «Доказав» в нескольких абзацах, что Чечня имела право на отделение от России, автор переходит к аргументам, призванным убедить нас, что Восток Украины таких прав не имеет. Всего аргументов четыре. «Во-первых, никогда в истории не существовало на этой территории “донецких” или “луганских” народов, которые могли бы “самоопределяться”, стремясь выйти из состава Украины». Во-вторых, «ничего даже отдаленно похожего на выборы ни в Донецке, ни в Луганске весной и летом 2014 года не проводилось». В-третьих, «сепаратисты практически с самого начала ориентировались на Россию, вывешивая российские флаги». В-четвертых, «сепаратисты не признают законную власть Украины, саму Украину... и не скрывают намерений ее разрушить, оторвав от нее ряд регионов мифической Новороссии».

Непредубежденному читателю легко заметить, что ни один из аргументов, приводимых Б. Вишневецким, за вычетом пропагандистского пафоса, весьма похожего на

пафос А. Проханова, хотя и с обратным знаком, не выдерживает критики. Даже формальные логики прошлых веков констатировали, что настоящее и будущее не может определяться прошлым, иначе любые перемены были бы невозможны. То факт, что раньше не было сепаратистских движений, никак не свидетельствует, что они не могли возникнуть вследствие насильственного изменения политического контекста в самой Украине. Второй аргумент опровергается самим фактом проведения выборов. Референдум был проведен и выявил определенные результаты. Разумеется, интерпретировать их можно по-разному, но отрицать очевидность этого факта по меньшей мере неразумно. То, что «сепаратисты» ориентировались на Россию, очевидно, точно так же, как очевиден факт ориентированности властей Украины на другие иностранные государства. Четвертый аргумент также вызывает сомнения. Почему все граждане, сомневающиеся в законности свержения избранного президента, автоматически должны подчиниться новой власти, вообще никак не объясняется.

Как и в случае со статьей А. Проханова, недостаток логоса подменяется избытком пафоса, который стремительно нарастает по мере движения от начала к концу публикации. «Российская армия в Чечне вела военные действия против чеченских сепаратистов, не желавших жить вместе с Россией... Украинская армия в Донецке и Луганске ведет военные действия против поддерживаемых Россией мятежников и направляемых ей наемников, цель которых – превращение Украины в российского вассала. И потому это война за свободу Украины».

Таким образом, перед читателями статей А. Проханова и Б. Вишневецкого открываются две возможности: либо поверить словесным заклинаниям авторов, либо с помощью анализа их дискурса обнаружить пропагандистское сообщение, скрытое под покровом объективной информации. В итоге крайности двух авторов сошлись, и точкой такого схождения стал политический миф, основанный на магическом желании утвердить модель будущего, исходя из аналогий прошлого и используя те же методы и приемы, говоря словами Э. Кассирера, что и при производстве любого другого оружия, будь то автоматы или аэропланы.

Список литературы

Барт Р. Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989.

Кассирер Э. Технология современных политических мифов // Политико-философский ежегодник. 2011. № 4.

Сорокин Ю. А. Статус факта (события) и оценки в текстах массовой коммуникации //

Политический дискурс в России – 4: Материалы раб. Совещ. (Москва, 22 апреля 2000 г.) / Под ред. Ю. А. Сорокина, В. Н. Базылева. М., 2000. С. 89–101.

Фуко М. Слова и вещи. М., 1977.

Материал поступил в редколлегию 19.12.2014

Yu. V. Shatin

*Novosibirsk State University
2 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

shatin08@rambler.ru

CATEGORY OF THE FUTURE IN MODERN MEDIA SPACE

The article analyses main strategies of manipulating category of the Future used in modern newspapers for translating of political myth. In this regard, the author examines the two faces of modern political myth – «patriotic» and «liberal», as well as linguistic mechanisms used to manipulate readers' consciousness. Norman Fairclough explores the tensions between information and estimation in media. In case of manipulation the estimation dominates over information. Method of critical discourse analysis allows to distinguish informative and verbal parts of message and to show authors interest in elucidation of political events. Analysis of materials devoted to Ukrainian conflict in newspapers «Kommersant», «Izvestia» and «Novaja gazeta» illustrates general items of the article.

Keywords: media space, political myth, discourse, connotation, manipulation, media product, media message, critical discourse analysis.